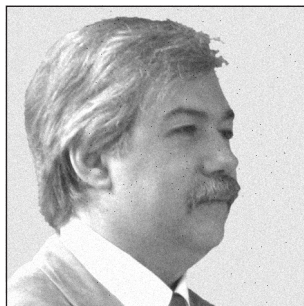

Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности

Д.А. ЛЕОНТЬЕВ

Дается методологический анализ современной практики использования понятий «субъект» и «субъектность» в психологии в соотношении с философским понятием субъекта и с аналогичными понятиями в англоязычной психологии. Показано, что доминирующая сегодня субстанциональная линия психологического понимания субъекта идет вразрез с бытующей в философии функциональной трактовкой этого понятия и ее эвристичность по меньшей мере сомнительна. Напротив, большой объяснительный потенциал содержит психологическое понятие субъектности как индивидуальной характеристики личности.

Ключевые слова: субъект, личность, объект, деятельность, общение, субъектность, саморегуляция.

Понятие субъекта, относящееся к числу философских категорий высокого уровня абстракции¹, в последние годы стало одним из наиболее актуальных в отечественной психологии, по сути встав в ряд ее ключевых объяснительных понятий. Значимость этого понятия в том, что оно подчеркивает, что человеческая жизнедеятельность, во-первых,

¹ См., напр.: Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.

ЧТО ДАЕТ ПСИХОЛОГИИ ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА

носит активный, а не реактивный характер, а во-вторых, является порождением не столько частных механизмов, сколько активности человека в целом². При этом практически не рефлексировалось различие (или не обосновывалось тождество) философского понятия субъекта и соответствующего психологического понятия. Практика использования этого понятия в русскоязычной психологии резко отличается от практики употребления соответствующих понятий в европейских языках. Английское слово *subject* в психологическом контексте часто означает «подвергающийся воздействию» (в частности, испытуемый); бывают и другие варианты словоупотребления, однако практически нигде этот рабочий термин не вводится в качестве объяснительного понятия.

Вместе с тем в русскоязычных работах последнего времени довольно часто можно встретить понятие «субъект» как объяснительное, в одном ряду с другими понятиями, характеризующими целостного человека, такими, как «личность», «индивид», «индивидуальность». Встречаются даже дискуссии в духе «или–или» – имеем ли мы в данном случае дело с личностью или с субъектом? – которые выглядят недоразумением для любого, кто знаком с основами логики. Споры «субъект, индивид или личность» подобны спору о том, кто перед нами – химик, диабетик, брюнет или доктор наук. Странное впечатление вызывает также использование понятия «субъект» по отношению к непосредственно присущим личности атрибутам, например «субъект надежды» или «субъект тревоги» – это все равно что говорить «субъект седины», «субъект IQ», «субъект потребности» или «субъект гипертонии». Во всех этих случаях отсутствует зазор, дистанция, содержательное отношение между носителем и атрибутом, лишь наличие которого может порождать отношение к атрибуту как к объекту. Например, в той мере, в какой я не отделяю себя от собственной тревоги или желания, я не могу быть субъектом этих процессов, но если я осознаю возможность психологически дистанцироваться от собственных мотивов и эмоций, разотождествиться с ними, я обретаю возможность контроля над ними и становлюсь действительно субъектом, но уже не тревоги как таковой, а субъектом отношения к собственной тревоге. На важность личностного, субъектного отношения даже к собственным побуждениям, их «принятия» или «персонализации», ощутимо их трансформирующим, сравнительно недавно начали обращать внимание в психологии мотивации³.

В качестве задачи данной статьи мы рассматриваем, во-первых, прояснение логических и философских оснований понятия «субъект»

² См. : *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. Избранные психологические труды. М. ; Воронеж, 1996.

³ *Файзуллаев А.А.* Принятие мотива личностью // Психол. журнал. 1985. Т. 6, № 4. С. 87–96; *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004.

и его соотношения с понятием «личность» – общепринятым и одним из ключевых в сегодняшнем тезаурусе психологической науки – и, во-вторых, обрисовку контуров подхода к решению проблемы субъектности в современной психологии, которая представляется нам гораздо более важной и корректно поставленной, чем проблема субъекта.

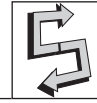
Было бы ошибкой рассматривать эту проблему как абстрактно-терминологическую. В.Е. Лепский⁴, в частности, говорит о бессубъектности как о главной болезни сегодняшней России, описывая целый ряд ее симптомов, однако не формулируя ее сути. С этим диагнозом можно согласиться; действительно, что, как не бессубъектность, выражает крылатая формула нашей жизни «хотели как лучше, а получилось как всегда»? В.Е. Лепский справедливо говорит о необходимости повышения качества субъектности решений и о субъектно-ориентированном подходе к инновационному развитию.

Проблема, однако, осложняется тем, что болезнь эта, по-видимому, носит не острый, а хронический характер. Об этом свидетельствует анализ особенностей русского языка как наиболее концентрированного выражения русского национального характера, выполненный выдающимся лингвистом Анной Вежбицкой⁵. Вежбицкая усматривает в русском языке четыре ярко выраженные особенности, отличающие его от других европейских языков: 1) эмоциональность, выражающаяся, в частности, в языковом конструировании эмоциональных состояний преимущественно как не зависящих от воли субъекта и неконтролируемых, которым субъект часто склонен «отдаваться» или «предаваться»; 2) иррациональность; 3) неагентивность – «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смиреннию и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь...»⁶; 4) абсолютизация и категоричность моральных оценок. Эти характеристики во многом взаимосвязаны, но в нашем контексте особый интерес представляет третья из них – неагентивность, или бессубъектность, проявляющаяся в беспрецедентном избытии в русском языке безличных языковых форм, выражающих отсутствие контроля субъекта над происходящими событиями. Например, это относится к выражению модальностей возможности или долженствования: «чтобы дать адекватный перевод на русский таких английских предложений, как I must, I have to, их следует сначала представить в

⁴ Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009.

⁵ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

⁶ Там же. С. 34.

ЧТО ДАЕТ ПСИХОЛОГИИ ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА

пациентивной перспективе, подчеркивающей тот факт, что лицо, о котором идет речь, не контролирует ситуацию»⁷.

Повседневная русская речь просто пронизана бессубъектными конструкциями наподобие «нельзя», «мне плохо», «никак не выходит», «получилось как всегда», «ни проехать, ни пройти», «без пол-литры не разберешься», «вам следовало бы», «так жить нельзя», «легко ли быть молодым», «хочется», «не спится», «есть мнение». «Таинственные и непонятные события происходят вне нас совсем не по той причине, что кто-то делает что-то, а события, происходящие внутри нас, наступают отнюдь не потому, что мы этого хотим.... Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению...»⁸. Перефразируя другого классика, умом Россию не понять и действием не обустроить... Вывод о глубоких социокультурных корнях сегодняшнего паралича субъектности напрашивается сам собой. Хотя мы не склонны выводить из этого далеко идущих следствий, в свете сказанного выше проблема субъектности действительно представляется отнюдь не абстрактной и более чем серьезной.

Вернемся, однако, к рассмотрению того, как ставится проблема субъекта в современной психологии.

Субъект – субстанция или функция?

В философии понятием «субъект» обозначается один из полюсов субъект-объектного отношения, образующего основу деятельности, сознания и познания⁹. Это слово требует логического дополнения «субъект чего». Именно в этом ключе, не претендуя на преобразование этого философского термина в конкретно-психологическое понятие, использовали его А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе¹⁰ и другие авторы. С.Л. Рубинштейн, использовавший это понятие как обозначающее качество, функцию или роль, в которых выступает человек в тех или иных актах познания или деятельности, предостере-

⁷ Вежбицкая А. Указ. соч. С. 57.

⁸ Там же. С. 76.

⁹ Лекторский В.А. Указ. соч.; *Он же*. Субъект // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. М., 2001. С. 659–660.

¹⁰ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977; Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959; Узнадзе Д.Н. Общая психология. М. ; СПб., 2004.

гал от опасности «мистифицировать и субстанциализировать функциональные понятия субъекта и объекта»¹¹.

Субстанциональное (и мистифицированное) понимание субъекта идет, по-видимому, от Б.Г. Ананьева, различавшего характеристики человека как субъекта деятельности и характеристики человека как личности, но при этом понимавшего и те, и другие как устойчивые системы характеристик: «субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность – совокупностью общественных отношений... Субъект, таким образом, всегда личность, а личность – субъект, но субъект не только личность, а личность не только субъект, так как помимо различия самих характеристик деятельности и отношений существуют еще различия в принадлежности этих характеристик к более общим структурам»¹². Следствием такого расщепления человека на субъекта деятельности и личность стало, в частности, расщепление деятельности и общения в отношениях человека с миром на два независимых процесса; в отличие от деятельности как субъект-объектного отношения общение понималось как субъект-субъектное¹³. При этом закономерен вопрос, субъектами чего являются участники субъект-субъектного отношения.

Безусловно, в диалогическом глубинном общении другой человек не является объектом отношения, и отношения двух субъектов симметричны и равноправны¹⁴. Однако из этих отношений не исчезает объект; в частности, В. Франкл в статье «Критика чистого общения»¹⁵ убедительно показал, что диалогические отношения всегда опосредованы неким общим смыслом. Неразрывность и взаимосвязь субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в человеческой деятельности и общении были рассмотрены нами в специальной работе¹⁶. Строго говоря, два человека как собеседники по глубинному диалогу выступают по отношению друг к другу именно как личности, потому что именно личности принадлежит «план содержания»¹⁷ – внутренний мир, ценностно-смысловая сфера, без которого никакой диалог невозможен. Рассматривать их отношение как отношение двух субъектов возможно только в отношении к общему объекту (например, субъект-субъектные отношения Маркса и Энгельса при на-

¹¹ Рубинштейн С.Л. Указ. соч. С. 157.

¹² Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. С. 295.

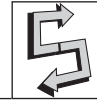
¹³ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

¹⁴ См.: Братченко С.Л., Леонтьев Д.А. Диалог // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2007. № 2 (11). С. 23–28.

¹⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

¹⁶ Леонтьев Д.А. Совместная деятельность, общение, взаимодействие // Вестн. высш. школы. 1989. № 11. С. 39–45; *Он же*. Психология смысла. М., 1999.

¹⁷ Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990.

ЧТО ДАЕТ ПСИХОЛОГИИ ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА

писании «Коммунистического манифеста» или Ильфа и Петрова при создании «Двенадцати стульев»).

Таким образом, корректное использование понятия «субъект» обязательно предполагает грамматическое дополнение «субъект чего», ибо оно определяет позицию человека в определенном отношении, в котором обязательно присутствует объект (при этом субъект может быть и не один). Как «объект преобразования и исследования выступает теми или иными сторонами лишь в той или иной структуре деятельности и по-разному в разных структурах деятельности»¹⁸, так и человек в качестве субъекта выступает не иначе как будучи включенным в конкретную деятельность и в разных деятельности будут раскрываться разные стороны и свойства человека как субъекта. Функциональный термин «субъект» этим отличается от таких терминов, как «индивид», «личность», «индивидуальность», и не может мыслиться иначе как субъект деятельности или иного активного отношения.

Субъект и/или личность?

К аналогичному выводу приходит и Ш.Н. Чхартишвили, стоящий на позициях взглядов теории установки Д.Н. Узнадзе: «У [психологического субъекта поведения] нет субстанциональной природы и, являясь функциональным образованием, он выступает на том уровне организации психофизических возможностей живого существа, который обусловлен активизированной в индивиде потребностью и который вместе с удовлетворением этой потребности возвращается к своему исходному состоянию или уступает место другому субъекту поведения...»¹⁹. Субъект поведения, подчеркивает Ш.Н. Чхартишвили, – функциональная единица.

Однако в центре внимания Чхартишвили, как и других представителей грузинской школы, находится проблема соотношения понятий «субъект» и «личность». Логическая дилемма соотношения этих двух понятий наиболее отчетливо была сформулирована Н.И. Сарджвеладзе: «(А) Личность человека – это субъект деятельности. Субъектом деятельности исчерпывается личность. Соответственно, изучив деятельность, тем самым может быть изучена личность. (Б) Личность не совпадает с субъектом деятельности. Субъектом деятельности не

¹⁸ Лекторский В.А. Принцип предметной деятельности и марксистская теория познания // Эргономика: труды ВНИИТЭ ; отв. ред. В.П. Зинченко. М. : ВНИИТЭ ГКНТ СССР, 1976. Вып. 10. С. 60–67.

¹⁹ Чхартишвили Ш.Н. Проблема личности в психологии установки // Д.Н. Узнадзе – классик советской психологии: психологические исследования, посвященные 100-летию со дня рождения Д.Н. Узнадзе. Тбилиси, 1986. С. 363–364.

исчерпывается личность. За множеством субъектов деятельности стоит единая личность»²⁰.

Психологические исследования дают нам по меньшей мере три группы феноменов, в которых несовпадение личности и субъекта деятельности отчетливо выступает уже на уровне конкретных исследований:

1. Изучение деятельности социальных групп и разработанные в связи с этим представления о «коллективном» или «совокупном» субъекте совместной групповой деятельности²¹.

2. Феномены несовпадения эффекта личностного воздействия (который интерпретируется как «вклад» данной личности в других) и эффекта деятельности, направленной на другого²².

3. Представления о внутренней работе, направленной на себя активности как преобразовании психологического мира человека²³. Личность в ней выступает одновременно и как субъект, и как объект деятельности, перестраивая саму себя, однако именно в этом расщепленном отношении феномен субъектности проявляется наиболее выпукло. «Субъектность обнаруживает себя в главной способности человека: способности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, что позволяет ему быть (становиться) действительным субъектом (автором, хозяином, распорядителем) собственной жизни»²⁴.

Ш.Н. Чхартишвили в упомянутой работе занимает по этому вопросу весьма определенную позицию, также считая, что личность не сводима к субъекту поведения, а деятельность человека – к активности такого субъекта. «В случае каждого акта поведения человек был бы новым, сформировавшимся специально для этого случая субъектом и не мог бы объединить в себе как в единой целостной структуре настоящее, прошедшее и будущее, в результате всего этого он психологически исчез бы в непрерывном течении времени и не смог бы подняться до положения личности. В разных актах поведения одного и того же человека всегда выступает не один, а разные субъекты поведения в вышеуказанном понимании – разные если не качественно, то,

²⁰ Сарджвеладзе Н.И. Динамическая структура личности и социогенные потребности // Проблемы формирования социогенных потребностей; под ред. Ш.Н. Чхартишвили, В.Л. Какабадзе, Н.И. Сарджвеладзе. Тбилиси, 1981. С. 192.

²¹ Лекторский В.А. Субъект, объект, познание; Андреева Г.М. К построению теоретической схемы исследования социальной перцепции // Вопр. психол. 1977. № 2. С. 3–14; Леонтьев Д.А. Психология смысла.

²² Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов н/Д : Феникс, 1996; Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982; Петровский А.В., Петровский В.А. Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3. С. 44–53.

²³ См., напр.: Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984; Иванченко Г.В. Забота о себе: история и современность. М., 2009.

²⁴ Слободчиков В.И. О соотношении категорий «субъект» и «личность» в контексте психологической антропологии // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность–коммуникация–толерантность ; под ред. В.И. Кабрина. Томск, 2002. С. 24.

ЧТО ДАЕТ ПСИХОЛОГИИ ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА

по крайней мере, по происхождению. Что же касается личности, то она при всех актах поведения, протекающих на личностном уровне, остается самой собою в обоих отношениях – и качественно, и по происхождению. Она... формируется в течение целых серий поведений и обычно сохраняется на протяжении всей жизни человека как неизменный субъект поведения»²⁵. Таким образом, ключевым отличием личности от субъекта выступает ее протяженность и связность во времени; если субъект всегда в настоящем, то личность соединяет в себе прошлое, настоящее и перспективу будущего. Именно поэтому личность, согласно Чхартишвили, характеризуется ориентацией на отдаленную во времени перспективную мотивацию, не связанную с удовлетворением текущих, сиюминутных потребностей. «Человек, вообще не прибегающий к далекой мотивации, не есть личность. Акты поведения учения и труда, бесспорно, являющиеся актами поведения личностной природы, всегда основаны на далекой мотивации и всегда направлены на задачи будущей жизни»²⁶.

Собственно из временной протяженности и связности поведений Ш.Н. Чхартишвили и выводит определение личности: «Обширная система основанных на одной мотивационной почве актов поведения имеет одного неизменного субъекта и этот субъект есть личность»²⁷. Он говорит про общие системы актов поведения, реализация которых продолжается в течение жизни человека, например такой, как обеспечение благосостояния семьи. Одни конкретные действия сменяют другие, но все это происходит в рамках одной общей мотивационной системы личности.

Обобщает эту позицию, которая представляется нам единственно обоснованной, Н.И. Сарджвеладзе: «Субъект деятельности в каждый конкретный момент – преходящее явление; фактически сколько деятельностей, столько и субъектов деятельности. Но за этим преходящим субъектом стоит относительно устойчивое и перманентное образование, именуемое личностью. Личность как относительно устойчивая и перманентная система имеет множество своих преходящих проявлений в виде субъекта деятельности»²⁸. По сути такую же трактовку предлагает и Ю.К. Стрелков: «Субъект – человек, действующий с объектом в конкретных обстоятельствах». Понятие субъекта является выражением психологического настоящего, в то время как понятие личности выводит рассмотрение за рамки настоящего»²⁹.

²⁵ Чхартишвили Ш.Н. Указ. соч. С. 365.

²⁶ Там же. С. 366.

²⁷ Там же. С. 368.

²⁸ Сарджвеладзе Н.И. Указ. соч. С. 198–199.

²⁹ Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. М., 2001. С. 36.

Возвращение субъекта?

В современной российской психологии понятие субъекта вновь выдвинулось в центр рассмотрения в субъектно-деятельностном подходе, идущем от С.Л. Рубинштейна, во многом благодаря усилиям А.В. Брушлинского³⁰ и его последователей³¹. К проблеме субъекта обращаются и авторы, работающие в других традициях³². Этот подход рассматривает субъекта как высшую системную целостность всех качеств, состояний и свойств человека, которая формируется в ходе исторического и индивидуального развития, где каждый человек становится субъектом³³. Конкретно становление человека как субъекта связано с возрастом 7–10 лет, причем Брушлинский связывает это с овладением простейшими понятиями и познанием устойчивых глубинных свойств объектов³⁴.

«Субъект – это прежде всего свободный человек»³⁵. Быть субъектом – значит быть «творцом своей истории: инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности – творческой и нравственной»³⁶.

«Гуманистическая трактовка человека как субъекта противопоставит пониманию его как пассивного существа, отвечающего на внешние воздействия (стимулы) лишь системой реакций, являющегося «винтиком» государственно-производственной машины, элементом производительных сил, продуктом (т.е. только объектом) развития общества» (там же).

Брушлинский считает субъектом каждую личность (там же. С. 13). Последнее положение вступает в противоречие как с признанием нераздельности и взаимной соотносительности субъекта и объекта (там же. С. 5), так и с признанием субъекта творцом и свободным человеком. Поскольку не каждого можно признать таковым, видимо, каждая личность является субъектом лишь потенциально, в возможности. В реальности же не каждая личность проявляет себя как субъект в этом понимании.

³⁰ Брушлинский А.В. Указ. соч.; *Он же*. Психология субъекта. СПб., 2003; и др.

³¹ Знаков В.В. Психология понимания: проблемы и перспективы. М., 2005; Серзиевко Е.А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М., 2006.

³² Мотков О.И. Субъект как оперативный блок личности // Д.А. Ошанин и современная психология: к 100-летию со дня рождения Д.А. Ошанина; под ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной. М.; Обнинск, 2008. С. 210–236; Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов н/Д, 1996; *Он же*. Логика «Я». М., 2008.

³³ Брушлинский А.В. К проблеме субъекта в психологической науке. С. 13.

³⁴ Брушлинский А.В. Психология субъекта. С. 21.

³⁵ Там же. С. 18.

³⁶ Брушлинский А.В. К проблеме субъекта в психологической науке. С. 5.

ЧТО ДАЕТ ПСИХОЛОГИИ ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА

Пожалуй, в наибольшей степени содержательно наполнить понятие субъекта удалось прямым последователям Брушлинского. В.В. Знаков анализирует новизну подхода психологии субъекта в широком историко-научном контексте, выделяя три основных аспекта этой новизны³⁷. Первый из них заключается в переходе от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического, что связано с введением в картину познания целостного субъекта, преломляющего в своем восприятии все частные аспекты ситуации. «Сегодня ученым стало ясно, что любая ситуация включает воспринимающего, понимающего и оценивающего ее человека. Иначе говоря, взаимодействие субъекта с объектом фактически приводит к включению познающего в познаваемое... Субъект не только пассивно фиксирует, понимает природные и социальные ситуации, но и пытается активно воздействовать на них» (там же. С. 85). Макроаналитический метод познания предполагает, что «тщательный анализ отдельных сторон психики субъекта (ощущений, состояний и т.п.) оказывается для исследователя далеко не главной задачей. Его интересуют прежде всего такие целостные фрагменты человеческого бытия, в которых представлены процессы и результаты субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий» (там же). Второй аспект новизны касается расширения представлений о содержании активности как фактора детерминации психики, включая активность разных уровней, как сознательную, так и бессознательную. Наконец, третий аспект новизны проявляется в «целостном системном характере исследования динамического, структурного и регулятивного планов анализа психологии субъекта» (там же. С. 83) как системной области человеческого знания.

Другой последователь линии А.В. Брушлинского, Е.А. Сергиенко, делает принципиально важный, на наш взгляд, шаг, смыкая понятия субъекта и субъектности с другой традицией, ключевым понятием которой выступает категория саморегуляции. «Субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности»³⁸. На связь этих традиций указывали также Брушлинский и Знаков, но именно в работах Сергиенко эта идея получает содержательное наполнение и эмпирическое обоснование, что позволяет ей построить модель этапов и критериев становления субъекта в онтогенезе.

³⁷ Знаков В.В. Указ. соч. С. 83–90.

³⁸ Сергиенко Е.А. Указ. соч. С. 341.

Связь понятия субъекта с активностью, саморегуляцией и организацией деятельности, возможностью влияния на ход ее протекания подчеркивает и К.А. Абульханова-Славская. Поскольку, однако, в той или иной степени активность и самоорганизация присущи всем индивидам, К.А. Абульханова-Славская заключает, что субъектом можно быть в неодинаковой степени. «Понятие субъекта имеет дифференциальный смысл: оно дает возможность различать людей по мере зависимости от них хода их жизни в целом и ее отдельных ситуаций, по мере владения этими ситуациями, по дальности жизненных перспектив и т.д.»³⁹. Здесь мы видим уже окончательный разрыв с классической философской традицией употребления понятия «субъект», мотивировка которого не представляется нам полностью убедительной.

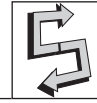
В свою очередь с идеями Сергиенко и Абульхановой-Славской сближаются общетеоретические взгляды В.А. Петровского, который связывает понятие субъекта с самодетерминацией, субъективной причинностью, *causa sui*. К числу атрибутов субъекта относятся целеустремленность, рефлексия, свобода и ответственность, развитие⁴⁰.

От субъекта к субъектности

Можно согласиться с теми взглядами, которые связывают понятие субъекта с определенными априори не гарантированными функциональными способностями реально управлять ходом своей деятельности, характеризующимися индивидуальным разбросом и динамикой становления в онтогенезе. Действительно, далеко не каждый из нас в каждый момент своей жизнедеятельности выступает подлинным субъектом того, что он делает; действуя на основе стимул-реактивного или другого безличного механизма, индивид не осуществляет подлинное субъект-объектное отношение. Однако с той же оговоркой: статус субъекта (или не-субъекта) не может характеризовать действующего индивида вообще, вне конкретного взаимодействия с миром. Только применительно к конкретной ситуации деятельности, взаимодействия, познания, отношения, бытия-в-мире и можно говорить о том, выступает ли в данном случае индивид как полноценный субъект этого отношения или нет.

³⁹ Абульханова К.А. Психология и сознание личности. Избранные психологические труды. М. ; Воронеж, 1999. С. 11; Абульханова-Славская К.А. Проблема определения субъекта в психологии // Субъект действия, взаимодействия, познания: психологические, философские, социокультурные аспекты ; отв. ред. Э.В. Сайко. М. ; Воронеж, 2001. С. 36–53.

⁴⁰ Петровский В.А. Логика «Я». С. 19–20.

ЧТО ДАЕТ ПСИХОЛОГИИ ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА

Именно в этом Р. Мэй видит фундаментальную дилемму человека. Человек может переживать себя и как субъекта, и как пассивный объект, переключаясь с одного состояния на другое. Оба являются необходимыми в определенных ситуациях: мало пользы в том, чтобы пытаться вырвать управление автомобилем или самолетом у водителя или пилота, даже если он делает это хуже, чем следует. Другой пример Мэя: если психотерапевт, работая с пациентом, будет стремиться занять по отношению к нему позицию субъекта, то он не сможет услышать и вникнуть в то, что тот говорит. Однако решая вопрос о целесообразности госпитализации в пограничных случаях, тот же психотерапевт неминуемо встает в позицию субъекта, принимая на себя ответственность за серьезное решение. «Наше сознание есть процесс колебаний между этими двумя полюсами... Этот процесс колебаний дает мне возможность выбирать между ними и положить гирию на одну или другую чашу весов. Мы можем занимать разную позицию в отношениях с другим – скажем, с пациентом в психотерапии, – но в наших отношениях с самим собой важен разрыв между двумя способами реагирования. Моя свобода в подлинном смысле заключена не в моей способности быть “чистым субъектом”, но в моей способности испытывать и то, и другое, жить в диалектическом взаимодействии»⁴¹. «Застревание» и на одном, и на другом полюсе, игнорирование свободы человека и игнорирование его детерминированности, говорит Мэй, будет в равной степени ошибочным. Важно и то, и другое; более того, именно «в диалектическом движении между этими двумя полюсами заключается развитие, расширение и углубление человеческого сознания» (там же. С. 20). Постановка проблемы у Мэя представляется чрезвычайно эвристичной, даже несмотря на то что она ограничивается у него модусом сознания и не выходит на следующий шаг – реальные возможности управления собственной деятельностью.

Подлинной психологической проблемой, таким образом, выступает не столько проблема субъекта, сколько проблема субъектности как меняющейся во времени актуальной меры активного влияния на внешние и внутренние процессы, включая также активное воздержание от внешней активности (у-вэй). Мы склонны согласиться с В.М. Розиным, считающим, что «категория “субъект” в настоящее время должна пониматься, с одной стороны, как одна из категорий постепенно уходящего в прошлое метафизического мышления, с другой – как организованность сознания современной личности, с третьей стороны, как натуралистическое представление, нуждающееся в критике и распрямлении»⁴². Даже с оговорками, что понятие

⁴¹ May R. Psychology and the Human Dilemma. Princeton, 1967. P. 9.

⁴² Розин В.М. Опыт методологического осмысления категории «субъект» // Субъект действия, взаимодействия, познания: психологические, философские, социокультурные аспекты ; отв. ред. Э.В. Сайко. М. ; Воронеж, 2001. С. 35.

«субъект» выражает не субстанцию, а функцию, использование этого слова непроизвольно навевает образ существа, к которому прикреплено это название, которое было, есть и будет субъектом. Вопрос не в том, как обрести некоторые психологические достоинства, которые позволят индивиду носить гордое звание субъекта. Можно говорить, что важно стать личностью или стать человеком, но язык противится фразе «когда я вырасту, я хочу стать субъектом». Напротив, применительно к конкретной ситуации «здесь и теперь» требование «быть субъектом» (т.е. контролировать то, что происходит, и отвечать за то, что делаешь, в том числе за самого себя) более уместно, чем требование быть личностью.

Объяснительный потенциал функционального понятия «субъектность» представляется гораздо более высоким. Это понятие уже прописалось в русскоязычной психологической терминологии. В частности, А.К. Осницкий характеризует этим понятием меру включенности в деятельность и интенциональности субъекта, В.А. Петровский – идеальную представленность в других, В.И. Слободчиков – меру воздействия субъекта на самого себя, А.А. Лузаков предлагает говорить «о процессах становления субъекта в личности, о разной мере достигаемой субъектности в разных сферах и ситуациях жизнедеятельности»⁴³. Наиболее эвристичной представляется концепция А.К. Осницкого, который, как и К.А. Абульханова-Славская, Е.А. Сергиенко, а также И.Г. Скотникова⁴⁴, тесно связывает это понятие с проблематикой саморегуляции. Как сторона более целостного процесса субъектной активности, субъектность «позволяет представить человека как автора и сценариста своих действий с присущей ему целеустремленностью, четкими ценностными ориентациями, направленностью на самосовершенствование и саморазвитие. Примечательно, что способность к этому человек обретает, лишь накопив определенный опыт взаимоотношений с окружающими и опыт использования собственных средств саморегуляции»⁴⁵. Очевидно, что понятие «субъектность» гораздо лучше, чем понятие «субъект», подходит для обозначения дифференциально-психологического аспекта способности управлять собственными действиями: русский язык подсказывает нам, что больше или меньше может быть именно субъектности, но не субъекта.

⁴³ См. : *Осницкий А.К.* Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19; *Он же.* Структура и функции регуляторного опыта в развитии субъектности человека // *Субъект и личность в психологии саморегуляции*; под ред. В.И. Моросановой. М. ; Ставрополь, 2007. С. 233–255; *Петровский В.А.* Личность в психологии; *Слободчиков В.И.* Указ. соч.; *Лузаков А.А.* Личность как субъект познания: категоризация при восприятии другого человека. Краснодар, 2007. С. 31.

⁴⁴ *Скотникова И.Г.* Субъектный подход в психофизике: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2009.

⁴⁵ *Осницкий А.К.* Структура и функции регуляторного опыта в развитии субъектности человека. С. 238.

Альтернативы автономной субъектности

Дифференциальный аспект субъектности не сводится, однако, к чисто количественной мере развития соответствующей интегральной способности или функции в направлении ее максимально полноценного развития. Лучше всего это позволяют увидеть дискуссии по этой проблеме в зарубежной психологии, ведущиеся с 1970-х гг. Наиболее точным аналогом понятия «субъектность» в англоязычной психологической терминологии служит постепенно вошедшее в психологический лексикон с 1980-х гг. понятие «агенту». Речь идет о способности индивида выступать «агентом» (субъектом), т.е. активно действующим лицом, движущей силой действия. Одно из определений агенту, пользующееся признанием, определяет это явление как «осуществленная возможность людей воздействовать на их мир, а не только познавать его и приписывать ему личную или интересубъективную значимость. Эта способность представляет собой присущую людям силу действовать целенаправленно и рефлексивно, находясь между собой в более или менее сложных взаимоотношениях, корректируя и переделывая мир, в котором они живут, в обстоятельствах, в которых они могут считать желательными и возможными разные направления действий, хотя не обязательно под одним и тем же углом зрения»⁴⁶.

Одной из наиболее разработанных и признанных является теория субъектности Р. Харре, в центре которой находится «модель субъекта». «Наиболее общим требованием к любому существу, чтобы его можно было считать субъектом, является то, чтобы оно обладало определенной степенью автономии. Под этим я подразумеваю, что его поведение (действия и акты) не полностью детерминировано условиями его непосредственного окружения»⁴⁷. Автономия, согласно Харре, предполагает возможность дистанцирования как от действий окружения, так и от тех принципов, на которых основывалось поведение до настоящего момента. Полноправный субъект (agent) способен переключаться с одних детерминант поведения на другие, делать выбор между равно привлекательными альтернативами, сопротивляться искушениям и отвлекающим факторам и менять руководящие принципы поведения. «Человек является совершенным субъектом по отношению к определенной категории действий, если и тенденция действовать, и тенденция воздерживаться от действия в его власти»⁴⁸. Наиболее глубинным проявлением субъектности являются два вида «самоинтервенции»: 1) внимание и контроль над действиями (в том числе нашими собственными мотивами и чувства-

⁴⁶ *Inden R. Imagining India. Oxford, 1990. P. 23.*

⁴⁷ *Harre R. Social Being. Oxford, 1979. P. 246.*

⁴⁸ *Harre R. Personal Being. Oxford, 1983. P. 190.*

ми, которые обычно управляют нашими действиями, минуя сознательный контроль), и 2) изменение своего образа жизни, своей идентичности. Логически в качестве предпосылок субъектности выделяются два условия: во-первых, способность репрезентировать более широкий спектр возможных будущих, чем те, которые могут быть реализованы, и, во-вторых, способность осуществить любое выбранное их подмножество, а также прервать любое начатое действие. Реальные люди различаются по степени их соответствия этой идеальной модели, а также по способам порождения действия.

Таким образом, детерминация человеческих действий весьма далека от простой линейной причинности. Р. Харре характеризует систему регуляции человеческих действий в кибернетических понятиях многоуровневости и многовершинности. «Это система, которая может исследовать каждое причинное влияние на нее под углом зрения его соответствия набору принципов, встроенному в более высокие уровни системы. Если система многовершинна, высший уровень ее тоже будет сложным, способным переключаться с одной подсистемы этого уровня на другую. Такая система может иметь бесконечное число уровней и на каждом из них – бесконечное число подсистем. Подобная система способна осуществлять горизонтальные сдвиги, т.е. переключать управление нижележащими уровнями с одной подсистемы на другую того же уровня. Она также способна к переключениям на верхние уровни, т.е. к помещению горизонтальных сдвигов под наблюдение и контроль критериальных систем высших уровней. Эта система – бледная тень тех сложных сдвигов и переключений, происходящих во внутренней активности реальных субъектов»⁴⁹. Однако природа этих «критериальных систем высших уровней» остается в теории Харре не раскрытой.

В современных исследованиях заметное место занимает анализ моделей субъектности, формирующихся в различных культурных контекстах. «Мы предполагаем, что наиболее известная и представленная в психологических теориях модель субъектности, которую мы назовем “модель разъединенной субъектности (disjoint agency)”, является не общей моделью мотивации, а моделью, стимулируемой и поддерживаемой (afforded and promoted) преимущественно смыслами и жизненными практиками, типичными для контекстов жизни европейско-американского среднего класса»⁵⁰. Эта форма субъектности, в которой на первое место выступает личностная автономия, конструируется как личная, локализованная в самом индивиде. Для дру-

⁴⁹ Harre R. Social Being. P. 256.

⁵⁰ Markus H.R., Kitayama S. Models of Agency: Sociocultural Diversity in the Construction of Action // Nebraska Symposium on Motivation. Vol. 49. Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Lincoln (NB), 2003. P. 5.

ЧТО ДАЕТ ПСИХОЛОГИИ ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА

гих культур, однако, более типична иная модель – «группа, а не индивид, как правило, выступает источником действия» (там же. Р. 15). Маркус и Китаяма называют ее моделью соединенной субъектности (conjoint agency), в которой на первом плане оказывается взаимозависимость индивидуальных субъектов. Становление субъектности в онтогенезе основывается во многом на усвоении соответствующих культурных моделей, которые существуют не только в головах людей, но материализуются и объективируются в повседневных культурных практиках. Под культурами при этом понимаются не только этнонациональные образования; так, Маркус с соавторами, исследовав конструирование идентичности на страницах американских популярных журналов, обнаружили, что журналы, ориентированные на читателей с высшим образованием, поддерживают и продвигают модель разъединенной субъектности, а журналы, аудитория которых имеет преимущественно среднее образование, больше акцентируют внимание на образах и сюжетах, находящихся в русле соединенной субъектности (там же. Р. 43).

Подытоживая свой анализ, Маркус и Китаяма подвергают критике идею субъектности (agency) как универсального антропологического свойства человека. Даже разъединенная субъектность, предполагающая автономное следование своему индивидуальному пути, не слушая никого, формируется через усвоение социокультурных моделей и практик. Авторы делают, однако, принципиальную оговорку: «Хотя любая субъектность конституируется социокультурно, социокультурное конституирование не тождественно социокультурной детерминации: индивидуальность и чувство личной субъектности могут реализовываться по-разному» (там же. Р. 45). Можно говорить, например, как о навязываемом культурой (в частности, американской культурой) индивидуализме, так и об автономно выбранном вопреки культурному давлению коллективизме.

Вместо заключения: новая реконструкция проблемы субъектности

Как видно из изложенного выше, именно психология саморегуляции оказывается той областью, которая позволяет наиболее адекватно раскрыть эвристический потенциал понятия субъектности. «Саморегуляция – это не только согласование циклов психофизиологических, психических процессов и состояний, но и оптимизация возможностей, потенциалов индивида, личности, компенсация индивидуальных недостатков в связи с задачами и событиями деятельности. Саморегуляция – это преодоление объективных и субъективных трудностей деятельности, она обеспечивает готовность субъекта к не-

ожиданностям. Она купирует временной дефицит, дефицит информации, дефицит социальной организации деятельности. Посредством саморегуляции субъект обеспечивает смысловое соответствие своих действий событиям и задачам деятельности»⁵¹.

Проблема субъектности складывается, на наш взгляд, из целого ряда конкретных проблем, причем все они относятся к области психологии саморегуляции в широком смысле этого слова. В этом смысле под саморегуляцией мы понимаем не специфический психический процесс, изучаемый наряду с другими процессами, а общий принцип организации отношений субъекта с миром, основанный на сличении обратной связи с критериями желательного как механизме коррекции его активности.

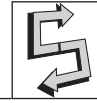
Первая из них – проблема самоопределения в ситуации, принятия на себя риска неопределенности и ответственности за выбор и целеполагание. Вторая – проблема реализации поставленных целей посредством контроля над ходом деятельности. Третья – проблема сохранения собственной целостности и направленности жизнедеятельности в условиях давления неблагоприятных обстоятельств. В последние годы эти проблемы получают последовательную теоретическую и экспериментальную разработку в работах автора и его сотрудников по проблеме личностного потенциала; в частности, они легли в основу выделения трех функций саморегуляции и трех подсистем личностного потенциала: потенциала самоопределения, потенциала реализации и потенциала сохранения⁵².

«Но можем ли мы говорить о субъектности индивида, который никак (пока) не проявляет свое активное отношение к самому себе?.. Быть субъектом означает стать творцом своей жизни, самому создавать условия для своего развития, держать под контролем собственные желания, преодолевать деформации собственной личности»⁵³. Тем самым в функциональную характеристику субъектности необходимо включить еще одну проблему, относящуюся уже к высшим, специфически человеческим уровням саморегуляции: проблему активного отношения субъекта к самому себе как объекту своего рефлексивного и деятельного отношения, которую М. Фуко (1998)

⁵¹ Абульханова-Славская К.А. Указ. соч. С. 44.

⁵² См.: Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ ; под общ. ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М., 2002. Вып. 1. С. 56–65.; *Он же*. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова ; под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М., 2006. Вып. 2. С. 85–105; *Он же*. Становление саморегуляции как основа психологического развития: эволюционный аспект // Субъект и личность в психологии саморегуляции ; под ред. В.И. Моросановой. М. ; Ставрополь, 2007. С. 68–84; Опыт структурной диагностики личностного потенциала / Д.А. Леонтьев [и др.] // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 8–31.

⁵³ Иванченко Г.В. Указ. соч. С. 44.

ЧТО ДАЕТ ПСИХОЛОГИИ ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА

обозначил емким термином «культура себя». Эта проблема регулярно ставится не только в общетеоретических философских и психологических работах⁵⁴, но и в контексте таких конкретных проблем, как, например, проблема суицида⁵⁵.

Как показывает проведенный анализ, проблема субъектности в психологии действительно является весьма значимой, причем ее значимость имеет тенденцию к возрастанию. Вместе с тем содержательный анализ проблемы требует существенно более широкого и многогранного контекста рассмотрения, чем тот, в котором мы привыкли ее встречать в отечественных психологических текстах. Многие психологические понятия заимствованы из философского лексикона, однако обоснованность и ценность подобных заимствований, их жизнеспособность прямо обусловлены сохранением живой связи каждого такого понятия с изначальным философским контекстом. Если эта связь обрывается, от понятия остается лишь слово, выхолощенная терминологическая оболочка, лишенная внутреннего содержания и отличающаяся от полнокровного понятия так же, как чучело от живой птицы. Именно это, как нам представляется, произошло с понятием субъекта, использование которого в психологии во многом пошло вразрез с философскими традициями. Реконструкция контекста употребления понятия «субъект» в философии и теоретической психологии приводит к выводу о корректности функциональной, но не субстанциональной трактовки субъекта. К близким выводам приводит и анализ соотношения понятий «субъект» и «личность»: употребление понятия «субъект» предстает обоснованным лишь по отношению к актуальному функциональному статусу индивида, не фиксированному во времени.

Вместе с тем производное от него понятие субъектности оказывается в психологии намного более эвристичным и полнокровным, чем традиционное понятие субъекта. Анализ современных подходов обнаруживает отчетливую тенденцию усиливающейся связи проблемы субъектности с исследованиями процессов саморегуляции и самодетерминации личности. Субъектность оказывается не только важной дифференциально-психологической характеристикой и измерением онтогенетического развития; это понятие позволяет перебросить мостик к процессам социального конструирования сознания, личности и поведенческих практик, а также открывает путь изучению места рефлексивного самоотношения в жизнедеятельности человека и его саморазвитии.

⁵⁴ См., напр. : *Каган М.С.* Человеческая деятельность. М., 1974; *Леонтьев Д.А.* Совместная деятельность, общение, взаимодействие; *Фуко М.* Забота о себе. Киев ; М., 1998; *Слободчиков В.И.* Указ. соч.; *Иванченко Г.В.* Указ. соч.

⁵⁵ См. : *Меннингер К.* Война с самим собой. М., 2001; *Леонтьев Д.А.* Экзистенциальный смысл суицида: жизнь как выбор // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 4. С. 58–82.